

Японские бенефактивные конструкции и категория инверсива

Н. А. Соломкина

Московский городской педагогический университет (Москва, Россия);
Российский государственный гуманитарный университет (Москва, Россия);
nataliya.solomkina@gmail.com

Аннотация. Во многих современных работах противопоставление между японскими бенефактивными вспомогательными глаголами *yaru / ageru / sashiageru* ‘давать из сферы говорящего’ и *kureru / kudasaru* ‘давать по направлению к сфере говорящего’ описывается с помощью терминов «инверсив» и «прямое / инверсивное кодирование».

Мы сравнили данные конструкции с двумя общетеоретическими описаниями категории инверсива и обнаружили, что японские бенефактивы не укладываются в задаваемые этими описаниями рамки. В эмпирической части мы анализируем корпусные данные на предмет соответствия прямому и инверсивному кодированию и приходим к выводу, что выбор вспомогательного глагола в бенефактивных конструкциях не поддается полному описанию с помощью прямого / инверсивного кодирования, основанного на иерархии лиц. Наиболее адекватное описание распределения лиц участников в бенефактивной конструкции использует понятия «эмпатия» и «иерархия эмпатии». При этом использование иерархии лиц и одушевленности становится избыточным.

Ключевые слова: японский язык, бенефактивные конструкции, корпусная лингвистика, инверсив, иерархия лиц, направленность действия.

Благодарности: Исследование поддержано грантом РФФ 17-18-01184.

Japanese benefactives and direct-inverse systems

N. A. Solomkina

Moscow City University (Moscow, Russia); Russian State University
for the Humanities (Moscow, Russia); nataliya.solomkina@gmail.com

Abstract. In this article, we examine Japanese benefactive constructions with auxiliary verbs *yaru*, *ageru*, *kureru*, and *kudasaru* with a view to their deictic properties.

Some recent works describe the contrast between *yaru / ageru / sashiageru* ‘to give from the speaker’s domain’ and *kureru / kudasaru* ‘to give towards the speaker’s domain’ using the term “direct / inverse alignment”.

Our goal is to compare the actual usage of Japanese benefactive constructions with the canonical direct / inverse systems and with more broadly taken systems with direct / inverse alignment. This paper proceeds from the assumption that Japanese benefactives are quite distinct from the canonical direct / inverse systems. More importantly, even the person hierarchies used for describing direct / inverse alignment can be quite difficult to apply in their case due to the strong impact of the speaker’s empathy.

The paper pursues two goals: a theoretical (to find a most precise model to describe the actual usage) and a descriptive one (to analyze relevant examples from corpus data). In the theoretical part, we compare Japanese benefactive constructions with two general descriptions of direct / inverse systems. We show that, despite some similarities, Japanese benefactives also demonstrate distinct divergence from these. In the empirical part, we analyze corpus data with regard to their compliance with the direct / inverse alignment. Though only individual examples from our sample demonstrate incongruency of *yaru / ageru* and *kureru / kudasaru* with direct and inverse alignment respectively, these and similar examples from other sources need special attention. The choice of an auxiliary verb in Japanese benefactive constructions does not fully fit in the person / animacy hierarchy (direct / inverse alignment) system. The most adequate and brief description of participants’ possible grammatical person can only be provided in terms of “empathy” and “empathy hierarchy” (a hierarchy of psychological proximity). This solution actually makes the person/animacy hierarchy superfluous.

Keywords: Japanese, benefactive constructions, corpus linguistics, direct-inverse systems, person hierarchy, directionality.

1. Введение

Данная статья посвящена японским бенефактивным конструкциям с пятью различными вспомогательными глаголами, все они обычно переводятся на русский язык как ‘давать’. Эти конструкции различаются по уровню вежливости, а также по направленности действия к сфере говорящего или из нее (см. *Таблицу 1*). Для выражения отношения к лицу, о котором идет речь в предложении, в японском

языке используются три класса форм: нейтральные, гоноративные (почтительные) и депрециативные (скромные). Также существуют грубые формы, которые не имеют столь регулярных средств выражения и часто не включаются исследователями в систему вежливости (подробнее в [Алпатов 2015; Алпатов и др. 2008]). Под объектом социального дейксиса в *Таблице 1* мы понимаем участника ситуации не из сферы говорящего, на чей социальный статус (относительно говорящего или близкого к нему лица) производится указание. В случае с вспомогательными глаголами *yaru*, *ageru* и *sashiageru* ‘давать из сферы говорящего’ осуществляется указание на социальный статус бенефицианта. *Kureru* и *kudasaru* ‘давать по направлению к сфере говорящего’ указывают на социальный статус бенефактора.

Таблица 1. Бенефактивные вспомогательные глаголы и социальный дейксис
Table 1. Benefactive auxiliary verbs and social deixis

уровень вежливости	статус объекта социального дейксиса	‘давать’ (из сферы говорящего)	‘давать’ (к сфере говорящего)
гоноративный	<i>высший</i>		<i>kudasaru</i>
нейтральный	<i>равный</i>	<i>ageru</i>	<i>kureru</i>
депрециативный	<i>высший</i>	<i>sashiageru</i>	
не-вежливость	<i>низший</i>	<i>yaru</i>	

Типичное употребление глаголов типа *yaru* / *ageru* / *sashiageru* и типа *kureru* / *kudasaru* продемонстрировано в примерах (1) и (2).

(1) 私が弟に本を読んであげた。

watashi ga ootoo ni hon o yon-de
я НОМ младший.брат ДАТ книга ACC читать-CNV

age-ta
давать-PST

‘Я читал эту книгу младшему брату’. [NPCMJ]

В примере (1) действие направлено из сферы говорящего (то есть от него самого) к младшему брату, который формально ниже

в иерархии, но в данном случае по отношению к нему употреблен нейтральный по уровню вежливости глагол *ageru*.

- (2) 環境は私達に、私達がどんな人間であるかを知らせてくれるだけ。

kankyou wa watashitachi ni watashitachi ga donna
 среда TOP мы DAT мы NOM какой

ningen de ar-u ka o shirase-te kure-ru
 человек COP.CNV AUX-PRS Q ACC уведомлять-CNV давать-PRS

dake
 только

‘Окружающая среда только сообщает нам о том, какими людьми мы являемся’. [BCCWJ]

В примере (2) действие направлено от окружающей среды к людям (в том числе говорящему), то есть извне по направлению к сфере говорящего. Противопоставление «внутри сферы говорящего» и «вне сферы говорящего» или *uchi-soto* (‘свой — чужой’), как оно традиционно называется в японской культуре, является относительным, и в зависимости от ситуации в группу «своих» включаются разные лица.

Многие исследователи [Nariyama 2003; Shibatani 2003; Koga, Ohori 2008] описывают противопоставление глаголов типа *yaru* и глаголов типа *kureru* с использованием терминов «инверсив» или «директивное» и «инверсивное» кодирование. Обычно для этого используются иерархии личности и одушевленности на основе иерархии, предложенной в [DeLancey 1981]. Необходимо уточнить, что подобные иерархии встречаются под самыми разными названиями, включая иерархии «субстантивности», «онтологической выделенности» и «эмпатии». По мнению Ф. Суньиги [Zúñiga 2006: 21], ключевым в подобных иерархиях является то, что участники речевого акта занимают более высокую позицию, чем третье лицо. Мы в дальнейшем изложении будем понимать эмпатию исключительно как «идентификацию говорящего... с участником ситуации, описанной в предложении» [Kuno, Kaburaki 1977: 628]. При этом, как мы увидим, для

говорящего идентификация с третьим лицом может быть приоритетнее идентификации со вторым.

С. Нарияма [Nariyama 2003: 107] использует следующий вариант иерархии личности для японского языка:

- человек ($1 > 2 > 3$) > одушевленный участник > неодушевленный участник
- директивная стратегия кодирования (субъект > несубъект)
- инверсивная стратегия кодирования (субъект < несубъект)

Если бенефициант (получающий) выше в иерархии, чем бенефактор (дающий), должен использоваться инверсивный вспомогательный глагол (*kureru / kudasaru*). Если же бенефактор выше бенефицианта в иерархии или равен ему, выбор говорящего должен падать на директивный глагол (*yaru / ageru / sashiageru*).

Для японского это правило выполняется не всегда. К тому же термины «инверсив» и «директивное и инверсивное кодирование» (*direct-inverse alignment*) используются в лингвистической литературе с разной степенью строгости для описания целого ряда сходных явлений.

Цель данной статьи состоит в том, чтобы оценить, в какой мере употребление японских бенефактивов подходит под прототип категории инверсива. В следующем (втором) разделе статьи мы описываем использованные корпусные данные. В третьем разделе статьи мы сравниваем японские бенефактивные конструкции с двумя общетеоретическими описаниями категории инверсива, чтобы оценить, какой понятийный аппарат более адекватно описывает реальный узус. Для такого сравнения мы будем использовать определение канонических инверсивных систем, данное в программной работе [Jacques, Antonov 2014], а также менее строгое определение из работы [Тестелец 1989]. Мы продемонстрируем, что при некотором сходстве употребления японских бенефактивов и «канонического» инверсива между ними наблюдаются существенные расхождения. Также мы покажем, что при расширенном понимании «прямого» и «инверсивного» кодирования как определенного соответствия синтаксических позиций иерархии лиц, в японском языке такое соответствие не всегда

последовательно. Мы предложим использовать иерархию эмпатии (психологической близости), применимую к японскому материалу.

В четвертом разделе статьи мы проверим, как распределяются встреченные в корпусе бенефактивные конструкции и насколько их употребление соответствует директивной или инверсивной стратегии кодирования.

2. Методы и материал

Для данного исследования мы используем материал из подкорпуса интернет-блогов Сбалансированного корпуса современного японского языка (BCCWJ) и примеры из Корпуса современного японского языка с синтаксической разметкой (NPCMJ). Оба корпуса созданы в Токио в Национальном институте японского языка (NINJAL). Мы рассматриваем примеры японских бенефактивных конструкций со вспомогательными глаголами *yaru*, *ageru*, *kureru*, *kudasaru* ('давать'). Конструкции с депрециативным глаголом *sashiageru* редко встречаются в современном неформальном языке и не вошли в нашу выборку. Так как *sashiageru* в функциональном плане отличается от *yaru* и *ageru* лишь степенью вежливости, мы предполагаем, что на него можно распространить наши выводы относительно этих двух глаголов.

Из NPCMJ в связи с его небольшим объемом (764 266 словоупотреблений) были взяты все примеры с каждым из вспомогательных глаголов (от 36 до 274 примеров на каждый вспомогательный глагол, см. также *Таблицы 2–5*). Материалы NPCMJ очень ценны для нашего исследования, так как позволяют однозначно определить лица не выраженных эксплицитно участников ситуации. Если корпус не содержит синтаксической разметки, идентифицировать референтов бывает затруднительно без широкого контекста. Отчасти этим объясняется несколько скромная выборка из BCCWJ: из него было взято по 100 случайно выбранных примеров на каждый вспомогательный глагол, объем подкорпуса блогов составляет

10 194 143 словоупотреблений. Примеры из ВССWJ были необходимы нам для жанрового разнообразия: несмотря на преимущества разметки, NPCMJ трудно назвать сбалансированным.

3. Японские бенефактивы, канонический инверсив и иерархия лиц

М. Сибатани [Shibatani 2003] рассматривает в качестве японского инверсива конструкции со вспомогательными глаголами *iku* (в самостоятельном употреблении ‘идти’) и *kuru* (‘приходить’), а также конструкции с глаголами *yaru* и *kureru* (‘давать’). Про бенефактивные конструкции автор пишет: «Все ограничения, актуальные для глаголов ‘давать’ в самостоятельном употреблении, применимы и к их бенефактивному употреблению». Сибатани в данной статье приравнивает бенефактивные конструкции к инверсивным, фактически игнорируя фактор эмпатии.

В работе [Jacques, Antonov 2014] об инверсивных системах в различных языках мира японский язык приводится как пример языка, в котором инверсивное маркирование развивается из циклокатива (конструкции со вспомогательным глагол *kuru* ‘приходить’). При этом авторы ссылаются на [Shibatani 2003], но обходят стороной формы с *yaru* и *kureru*.

Однако каноническая категория инверсива как таковая в данной работе описывается с помощью критериев, от которых японский довольно сильно отклоняется. Ниже мы приводим данные критерии в незначительно модифицированном виде по статье П. М. Аркадьева [Аркадьев 2017: 113]:

1. Все личные показатели нейтральны относительно синтаксических ролей;
2. Возникающая за счет свойства 1 неоднозначность ролевого кодирования разрешается с помощью обязательных взаимоиключающих показателей (директива и инверсива),

распределение которых описывается с помощью референциальных иерархий;

3. Инверсивные и директивные формы имеют одну и ту же диктатуру и не различаются с точки зрения синтаксической переходности.

В канонических инверсивных системах противопоставление директивных и инверсивных форм позволяет определить, какое лицо является агенсом, а какое — пациенсом, как в следующем примере из равнинного кри (алгонкинского языка):

- (3) *ni-sēkih-ā-w*
1-пугать-DIR-3
'Я пугаю его'. [Zúñiga 2006: 76]

- (4) *ni-sēkih-ikw-w*
1-пугать-INV-3
'Он пугает меня'. [Zúñiga 2006: 76]

В японских бенефактивных конструкциях, несмотря на отсутствие личных и числовых показателей, благодаря наличию падежных послелогов не возникает неоднозначности ролевого кодирования. При этом и с «директивными», и с «инверсивными» вспомогательными глаголами бенефактор кодируется как подлежащее, оформленное показателем номинатива *ga* (или вытесняющим его показателем топики *wa*), а бенефициант кодируется как косвенное дополнение и оформляется падежным послелогом *ni* (см. примеры (1) и (2)). Таким образом, японские бенефактивы соответствуют только третьему признаку канонических инверсивных систем.

Вопрос о противопоставлении между вспомогательными глаголами *yaru / ageru* и *kureru / kudasaru* и его сходстве с категорией инверсива поднимался ранее в работе Я. Г. Тестельца [Тестелец 1989: 137]. Там приводятся более мягкие по сравнению с [Jacques, Antonov 2014] признаки инверсива:

- 1) имеется морфологическая, синтаксическая, или лексическая парадигма нечленимых форм;

- 2) каждый элемент парадигмы выражает одновременно лица двух партиципантов ситуации;
- 3) каждый такой элемент содержит дизъюнктивно более одного значения для обоих партиципантов;
- 4) допустимые значения для каждого элемента парадигмы не могут нарушать иерархию $1 > 2 > 3$.

Первые три пункта для японского языка выполняются. Каждый вспомогательный глагол указывает на двух участников ситуации, при этом и для лица бенефицианта, и для лица бенефактора существует более одного возможного значения. Стоит оговориться, что в японской бенефактивной конструкции не содержатся показатели лиц участников. Мы здесь принимаем точку зрения Я. Г. Тестельца [Тестелец 1989: 137], согласно которой «категория инверсива выражает не собственно лицо, а соотношение лиц двух партиципантов на указанной иерархии».

Вспомогательные глаголы *yaru / ageru / sashiageru*, как правило, указывают на 1-е, 2-е или 3-е проксимативное (коммуникативно выделенное, «ближнее») лицо бенефактора и 2-е или 3-е обвиативное (коммуникативно невыделенное, «дальнее») лицо бенефицианта. В примере (5) действие направлено от психологически близкого третьего лица к психологически далекому:

- (5) こういう人こそ他人に、尽くしてあげるんだろうな
kooiu hito koso tannin ni tsukush-ite
 такой человек именно незнакомец DAT служить-CNV
age-ru n dar-oo na
 давать-PRS NML COP-PRM PRM

‘Как раз такие-то люди и служат другим’. [NPCMJ]

В свою очередь, глаголы *kureru / kudasaru* обычно указывают на 2-е или 3-е обвиативное лицо бенефактора и 1-е, 2-е или 3-е проксимативное лицо бенефицианта. По крайней мере для нейтральных по уровню вежливости вспомогательных глаголов *ageru* и *kureru* возможно также возвратное бенефактивное употребление (self-benefaction), когда бенефактор и бенефициант — одно и то же лицо (см. пример (13)).

Однако для японского не выполняется четвертый пункт, согласно которому для «директивных» глаголов *yaru* и *ageru* не должны быть допустимы формы, где лицо бенефактора ниже в иерархии $1 > 2 > 3$, чем лицо бенефицианта (например, ситуация передачи материального или символического блага от третьего лица ко второму). Аналогично для «инверсивных» форм *kureru* и *kudasaru* не должны быть допустимы примеры, где второе лицо совершает что-то для третьего, но в японском они встречаются.

Так, в примере (6) употреблен считающийся инверсивным глагол *kureru*, однако действие направлено от второго лица к третьему, что соответствует директивному кодированию. Младший брат входит в сферу говорящего, то есть в данном случае он психологически ближе говорящему, чем второе лицо.

(6) *あなたが弟にプレゼントをくれた。*

Anata ga ototoo ni purezento o kure-ta.
ты НОМ младший.брат ДАТ подарок АСС давать-РСТ

‘Ты подарил моему брату подарок’. [Nariyama 2003: 111]

В примере (7) обратная ситуация, т. н. директивный глагол *ageru* описывает ситуацию с инверсивным кодированием (действие направлено от третьего лица ко второму). Здесь Таро входит в сферу говорящей, так как является ее мужем:

(7) *太郎が“あなたにフ°レセ°ントをあけ°た。*

Taro ga anata ni purezento o age-ta.
Таро НОМ вы ДАТ подарок АСС давать-РСТ

‘Таро подарил тебе подарок’. [Nariyama 2003: 111]

С. Нарияма отмечает [Nariyama 2003: 111–112], что пример (7) был бы допустим даже в случае, когда Таро не принадлежит к одной с говорящей социальной группе, если он ей психологически ближе, чем бенефициант.

Также иерархия лиц $1 > 2 > 3$ не вполне объясняет случаи, где бенефактор и бенефициант имеют одинаковое значение лица (примеры (5), (13)). Третье обвиативное и проксимативное лица не противопоставляются регулярно в японской грамматике, но такое

психологическое противопоставление выражается в бенефактивных конструкциях. Действие, направленное от одного третьего лица к другому, может в разных обстоятельствах описываться как при помощи глаголов группы *yaru*, так и при помощи глаголов группы *kureru*.

Я. Г. Тестелец [Тестелец 1989: 144], рассматривая японский в своей работе наряду с другими языками, резюмирует: «...категория инверсива в японском языке отсутствует, и имеет место лишь сочетание категории лица (первое vs непервое) и эмпатии, или, что то же, одной лишь эмпатии». Действительно, фокус эмпатии чаще всего оказывается помещен на говорящего, и в случае с японскими бенефактивами это может выглядеть как противопоставление первого и «непервого» лиц. Таким образом, для полноценного описания этих конструкций достаточно только понятия эмпатии, а обращение к категории лица представляется излишним.

С. Нарияма [Nariyama 2003: 111], которая изначально описывает бенефактивные конструкции как инверсивные, оговаривается, что противопоставление «свой — чужой» (которое она фактически приравнивает к эмпатии в понимании С. Куно и Е. Кабураки [Kuno, Kaburaki 1977]) «имеет отношение к выбору директивного или инверсивного глагола, и оно может быть приоритетнее направления, определяемого иерархией одушевленности».

Таким образом, даже более мягкая по сравнению с критериями Г. Жака и А. Антонова [Jacques, Antonov 2014] трактовка инверсива как кодирования актантов, зависящего от иерархии лиц, не описывает в полной мере употребление японских бенефактивных конструкций. В отличие от инверсива здесь ведущую роль играет не иерархия лиц, а иерархия психологической близости, способности к отождествлению с говорящим:

- психологически близкий > психологически далекий;
- директивное кодирование (субъект > несубъект);
- инверсивное кодирование (субъект < несубъекта).

Часто эта иерархия совпадает с иерархией личности и одушевленности, так как сам говорящий, очевидно, психологически ближе сам себе, чем второе и третье лицо, а к одушевленным участникам

ситуации говорящему проще проявить эмпатию, чем к неодушевленным. Психологическая близость зависит от совокупности факторов и плохо поддается формализации, особенно когда речь идет о нарративах, непосредственно не связанных с речевой ситуацией (например, о художественном произведении). В следующем разделе мы на корпусных данных проверим, насколько употребление японских бенефактивов соответствует иерархии личности.

4. Анализ корпусных данных

Для анализа корпусных данных мы использовали несколько упрощенный вариант иерархии С. Нарияма:

1 > 2 > 3 одушевленный участник > 3 неодушевленный участник.

Полученные из корпусов примеры распределены по отдельным таблицам для каждого вспомогательного глагола. При этом темно-серым цветом обозначена зона употребления канонического директива (субъект > несубъект), а светло-серым — зона канонического инверсива (субъект < несубъект). Данные в таблицах демонстрируют, насколько точно примеры с *yaru / ageru* и *kureru / kudasaru* попадают в зону канонических директива и инверсива соответственно.

4.1. *Yaru* и *ageru*

Как видно из *Таблицы 2*, распределение примеров с *yaru* в основном соответствует директивному кодированию: при этом 55 % примеров описывают действие, совершаемое первым лицом для одушевленного участника третьего лица. Случаи, где у бенефицианта нет конкретного референта, объясняются употреблением бенефактивной конструкции в значении интенсификации (впервые такое употребление было описано в статье Т. Тоёда [Toyoda 1974: 85–89]):

Таблица 2. Прямое / инверсивное кодирование в примерах с *yaru*Table 2. Direct / inverse alignment in examples with *yaru*

Всего примеров: 165		Бенефициант при <i>yaru</i>				
		1	2	3 одуш.	3 неодуш.	нет референта
Бенефактор при <i>yaru</i>	1		35	91		6
	2	1		2		
	3 одуш.			29		
	3 неодуш.				1	
	нет референта					

- (8) ああ、もういっそ、悪徳者として生き伸びてやろうか。

a moo isso akutokusha toshite

ах уже лучше бесчестный.человек в.качестве

ikinobi-te yar-oo ka

продолжать.жить-CNV давать-NOR Q

‘Может быть, лучше стать бесчестным человеком, зато выжить?’ [NPCMJ]

В единственном примере, попадающем в инверсивную зону (действие направлено от второго лица к первому), глагол употреблен в повелительном наклонении:

- (9) U P 画像が前に U P していても笑って許してやってください

up gazoo ga mae ni up shi-te

загрузка картина NOM раньше DAT загрузка VRB-CNV

i-te mo warat-te yurushi-te yat-te

AUX.PRG-CNV даже улыбаться-CNV прощать-CNV давать-CNV

kudasai

AUX.IMP

‘Даже если я раньше уже загружала какие-то из этих фотографий, пожалуйста, простите мне это с улыбкой’. [BCCWJ]

Здесь мы видим попытку употребить вспомогательный глагол *yaru* в качестве депрециативного: говорящий стремится подчеркнуть

- (11) もちろん時々こわすこともあるけれども回してやる時のほうがずっと多いんだ。

mochiron tokidoki kowas-u koto mo ar-u
 конечно иногда ломать-PRS NML тоже быть-PRS
keredomo mawashi-te ya-ru toki no hoo ga
 хотя вращать-CNV делать-PRS время GEN сторона NOM
zutto oo-i n da
 постоянно много-PRS NML COP.PRS

‘Конечно, [ветер] иногда ломает [ветряные мельницы], но намного чаще [он их] вращает’. [NPCMJ]

Таблица 3. Прямое / инверсивное кодирование в примерах с *ageru*

Table 3. Direct / inverse alignment in examples with *ageru*

Всего примеров: 136		Бенефициант при <i>ageru</i>				
		1	2	3 одуш.	3 неодуш.	нет референта
Бенефактор при <i>ageru</i>	1	2	18	70	1	
	2			10		
	3 одуш.		1	35		
	3 неодуш.					
	нет референта					

В случае с *ageru* также большая часть примеров (51,5%) описывает действие, направленное от первого лица к неодушевленному участнику третьего лица (см. *Таблицу 3*). В единственном примере из инверсивной зоны говорящий под субъектом *ojisan* ‘дядя’ имеет в виду себя, однако подобный пример возможен и с близким говорящему третьим лицом:

- (12) 3(1) → 2

おじさんがしてあげよう。
ojisan ga shi-te age-yoo
 дядя NOM делать-CNV давать-NOR

‘Давай дядя делает’. [NPCMJ]

Нам встретились два примера с рефлексивным местоимением, где действие направлено от первого лица к первому, при этом референт один и тот же:

- (13) 我慢した自分を褒めてあげましょう～～^^
gaman shi-ta jibun o home-te age-mash-yoo
 терпение VRB-PST сам ACC хвалить-CNV давать-ADR-HOR
 ‘Похвалю себя за то, что проявил терпение’. [BCCWJ]

4.2. *Kureru* и *kudasaru*

В примерах с *kureru* / *kudasaru* как бенефактор, так и бенефициант могут не иметь конкретного референта, а отсылать к некоторой группе лиц, как обычно бывает в обобщенно-личных или неопределенно-личных предложениях:

- (14) 不良品だったら、お金を返してくれるそうです。
furyoohin dat-tara o-kane o kaesh-ite
 некачественный.товар COP-COND HON-деньги ACC возратить-CNV
kure-ru soo des-u
 давать-PRS EVD COP.ADR-PRS
 ‘Если товар ненадлежащего качества, то деньги возвращают (неопределенный продавец или продавцы неопределенному покупателю или покупателям)’. [NPCMJ]

В подобных примерах мы размечали участников как относящихся к одушевленному третьему лицу. Существенно, что в данном примере говорящий помещает фокус эмпатии на абстрактного покупателя, встает на его сторону и/или ассоциирует себя с ним.

В 47% примеров с *kureru* действие направлено от одушевленного участника третьего лица к говорящему (см. Таблицу 4).

В директивной зоне оказывается пример, где говорящий говорит о себе в третьем лице и действие формально направлено от второго лица к третьему, см. (15).

Таблица 4. Прямое / инверсивное кодирование в примерах с *kureru*Table 4. Direct / inverse alignment in examples with *kureru*

Всего примеров: 374		Бенефициант при <i>kureru</i>			
		1	2	3 одуш.	3 неодуш.
Бенефактор при <i>kureru</i>	1				
	2	103		1	
	3 одуш.	176	5	44	
	3 неодуш.	36	1	8	

(15) 秋雄君やい、ちょっとおじさんに手を貸してくれ。

Akio kun yai chotto ojisan ni te o

Акио кун эй немного дядя ДАТ рука АСС

kash-ite kure

одаживать-CNV давать-IMP

‘Эй, Акио, подай-ка дяде руку’. [NPCMJ]

В контексте, когда фокус эмпатии говорящего помещен на третье лицо, возможно существование подобных примеров и с указанием на референта третьего лица.

Таблица 5. Прямое / инверсивное кодирование в примерах с *kudasaru*Table 5. Direct / inverse alignment in examples with *kudasaru*

Всего примеров: 140		Бенефициант при <i>kudasaru</i>				
		1	2	3 одуш.	3 неодуш.	нет референта
Бенефактор при <i>kudasaru</i>	1					
	2	25				
	3 одуш.	99	1	15		
	3 неодуш.					
	нет референта					

В Таблице 5 мы видим, что в примерах с *kudasaru*, как и с *kureru*, большая часть (71%) примеров описывает действие, совершенное

одушевленным участником третьего лица для говорящего. В целом примеры данной выборки не выходят из инверсивной зоны. В случаях, когда действие направлено от третьего лица к третьему, речь идет о двух разных участниках (действие направлено от дальнего третьего лица к ближнему).

5. Выводы

Японские бенефактивные конструкции демонстрируют как некоторые сходства с каноническими инверсивными системами, так и существенные отличия от них.

Применение термина «инверсив» к неканоническим инверсивным системам без каких-либо оговорок ведет к размыванию термина и затрудняет типологический анализ. Более того, даже более мягкое понимание инверсива как кодирования актантов не дает точного представления об использовании японских бенефактивов. Это подтверждается корпусными данными.

Мы проанализировали употребление бенефактивов в японской речи по данным подкорпуса интернет-блогов Сбалансированного корпуса современного японского языка (BCCWJ) и Корпуса современного японского языка с синтаксической разметкой (NPCMJ). Основной массив проанализированных конструкций вписывается в представления о директивной и инверсивной стратегиях кодирования в японских бенефактивных конструкциях, однако обнаруживаются и весьма показательные исключения. Так, нам встретились примеры с *kureru / kudasaru*, выходящие из инверсивной зоны, и примеры с *yaru / ageru*, выходящие из директивной зоны. Также иерархия лиц не объясняет употребление примеров, где участники имеют одинаковый номер. Употребление подобных примеров можно описать с помощью иерархии эмпатии, понимая термин «эмпатия» в значении, заложенном в работах С. Куно и Е. Кабураки (в первую очередь в [Kuno, Kaburaki 1977]). Таким образом, в японских бенефактивных конструкциях существует прямое и инверсивное

кодирование относительно иерархии эмпатии (психологической близости), а не иерархии личности, что значительно отличает их от канонических инверсивных систем.

Необходимы дальнейшие исследования того, насколько смещение фокуса эмпатии может уводить *kureru / kudasaru* и *yaru / ageru* в директивную и инверсивную зону соответственно.

Список условных сокращений

ACC — аккузатив; ADR — адрессив; AUX — вспомогательный глагол; CNV — депричастие; COND — условная форма; COP — связка; DAT — датив; DIR — директив; EVD — эвиденциальность; HON — гоноратив; HOR — гортатив; IMP — императив; INV — инверсив; NML — субстантиватор; NOM — номинатив; PRS — настоящее-будущее время; PST — прошедшее время; Q — вопросительная частица; TOP — топик; VRB — вербализатор.

Литература

- Алпатов 2015 — В. М. Алпатов. Категории вежливости в современном японском языке. 5-е изд. — М.: ЛЕНАНД, 2015.
- Алпатов и др. 2008 — В. М. Алпатов, П. М. Аркадьев, В. И. Подлесская. Теоретическая грамматика японского языка. М.: Наталис, 2008.
- Аркадьев 2017 — П. М. Аркадьев. Дейктические превербные адыгских языков и типология инверсива // Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг (ред.). Типология морфосинтаксических параметров. М.: Гос. ИРЯ им. А. С. Пушкина, 2017. С. 105–119.
- Соломкина, Подлесская 2016 — Н. А. Соломкина, В. И. Подлесская. Бенефактивные конструкции в японском языке: особенности современного употребления // М. А. Iwanowski (ed.). Opuscula Iaponica et Slavica. Vol. III. Warszawa: BEL Studio, 2016. S. 23–36.
- Тестелец 1989 — Я. Г. Тестелец. Категория инверсива: определение и опыт типологии // В. И. Подлесская, Л. И. Куликов (отв. ред.). Проблемы синтаксической и семантической типологии. М.: Наука, 1989. С. 135–146.
- DeLancey 1981 — S. DeLancey. An interpretation of split ergativity and related patterns // Language. 1981. Vol. 57. No. 3. С. 626–657.
- Jacques, Antonov 2014 — G. Jacques, A. Antonov. Direct/inverse systems // Language and Linguistics Compass. 2014. Vol. 8. Iss. 7. С. 301–318.

- Koga, Ohori 2008 — H. Koga, T. Ohori. Reintroducing inverse constructions in Japanese: The deictic verb *kuru* ‘to come’ in the paradigms of argument encoding // R. D. Van Valin Jr. (ed.). *Investigations of the syntax-semantics-pragmatics interface*. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2008. С. 37–58.
- Kuno, Kaburaki 1977 — S. Kuno, E. Kaburaki. Empathy and syntax // *Linguistic inquiry*. Vol. 8. № 4. 1977. P. 627–672.
- Nariyama 2003 — S. Nariyama. *Ellipsis and reference tracking in Japanese*. (Studies in Language Companion Series, 66). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2003.
- Toyoda 1974 — T. Toyoda. *Hojodooshi yaru kureru morau ni tsuite* [Regarding the Auxiliary verbs Yaru, Kureru and Morau] // *Nihongo gakkoo ronshuu*. 1974. Vol. 1. С. 77–96.
- Zúñiga 2006 — F. Zúñiga. *Deixis and alignment: Inverse systems in indigenous languages of the Americas*. (Typological Studies in Language, 70). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2006.

Источники

- BCCWJ — Balanced Corpus of Contemporary Written Japanese (электронный ресурс). URL: <https://chunagon.ninjal.ac.jp/> (дата обращения 06.05.2021).
- NPCMJ — NINJAL Parsed Corpus of Modern Japanese (электронный ресурс). URL: <http://npcmj.ninjal.ac.jp/> (дата обращения 06.05.2021).

References

- Alpatov 2015 — V. M. Alpatov. *Kategorii veshlivosti v sovremennom yaponskom yazyke* [Politeness Categories in Modern Japanese]. 5th ed. Moscow: LENAND, 2015.
- Alpatov et al. 2008 — V. M. Alpatov, P. M. Arkad'iev, V. I. Podlesskaya. *Teoreticheskaya grammatika yaponskogo yazyka* [Theoretical grammar of Japanese]. Moscow: Natalis, 2008.
- Arkadiev 2017 — P. M. Arkadiev. *Deykticheskie preverby adygsikh yazykov i tipologiya inversiva* [Deictic Preverbs of Circassian languages and Typology of Direct/Inverse Systems]. E. A. Lyutikova, A. V. Zimmerling (eds.). *Tipologiya morfosintaksicheskikh parametrov* [Typology of morphosyntactic parameters]. Moscow: The Pushkin State Russian Language Institute Press, 2017. P. 105–119.

- DeLancey 1981 — S. DeLancey. An interpretation of split ergativity and related patterns. *Language*. Vol. 57. No. 3. 1981. P. 626–657.
- Jacques, Antonov 2014 — G. Jacques, A. Antonov. Direct / inverse systems. *Language and Linguistics Compass*. 2014. Vol. 8. Iss. 7. P. 301–318.
- Koga, Ohori 2008 — H. Koga, T. Ohori. Reintroducing inverse constructions in Japanese: The deictic verb *kuru* ‘to come’ in the paradigms of argument encoding. R. D. Van Valin Jr. (ed.). *Investigations of the syntax-semantics-pragmatics interface*. 2008. P. 37–58.
- Kuno, Kaburaki 1977 — S. Kuno, E. Kaburaki. Empathy and syntax. *Linguistic inquiry*. Vol. 8. No. 4. 1977. P. 627–672.
- Nariyama 2003 — S. Nariyama. *Ellipsis and reference tracking in Japanese*. (Studies in Language Companion Series, 66). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2003.
- Solomkina, Podlesskaya 2016 — N. A. Solomkina, V. I. Podlesskaya. Benefaktivnye konstruksii v yaponskomazykye: osobennosti sovremenno upotrebleniya [Benefactive Constructions in Japanese Language: Specific Features of Modern Usage]. M. A. Iwanowski (ed.). *Opuscula Iaponica et Slavica*. Vol. III. Warszawa: BEL Studio, 2016. P. 23–36.
- Testeleets 1989 — Ya. G. Testeleets. Kategoriya inversiva: opredelenie i opyt tipologii [Direct / Inverse Systems: Definition and Attempt at Typology]. V. I. Podlesskaya, L. I. Kulikov (eds.). *Problemy sintaksicheskoy i semanticheskoy tipologii* [Problems of syntactic and semantic typology]. Moscow: Nauka, 1989. P. 135–146.
- Toyoda 1974 — T. Toyoda. Hojodooshi yaru kureru morau ni tsuite [Regarding the Auxiliary verbs Yaru, Kureru and Morau]. *Nihongo gakkoo ronshuu*. 1974. Vol. 1. P. 77–96. (in Japanese)
- Zúñiga 2006 — F. Zúñiga. Deixis and alignment: Inverse systems in indigenous languages of the Americas. (Typological Studies in Language, 70). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing, 2006.